

изложением своей жизни, даже в случае ее предполагаемого, но отнюдь не действительного, соответствия тем высоким требованиям, какие внушает Мономах в первой части. Это могло казаться правдоподобным только тем исследователям, которые исторический образ Мономаха воссоздавали на основании его же «Поучения» и тем самым превращали его в иконописный. Но даже в случае тесной связи обеих частей «Поучения» должно заметить, что автобиографическая часть иллюстрирует очень немногие положения первой части, главным образом идеал деятельной жизни. Наконец, если Мономах рассчитывал на то, что его «грамотица» будет известна и постороннему читателю, не только княжеской семье, на что есть намек в тексте («Да дети мои или ин кто, слышав сию грамотицю не посмеитесь»...), то едва ли уместны были в ней столь подробные и, скажем прямо, столь интимные детали его военной или охотничьей жизни, даже в том случае, если эта грамотица оказалась бы завещанием или предсмертной исповедью. Это бросилось в глаза и И. Ивакину, который своеобразие «Поучения» и его отличие от других аналогичных памятников христианской литературы видел в обилии в нем автобиографических подробностей. Вот, что он говорит по этому поводу: «Бытовые подробности настолько характерны, что ни на мгновение не дают усумниться, что писавший — русский князь... Является вопрос: это обилие автобиографических черт обязано ли своим происхождением оригинальному замыслу автора или же оно — плод подражания? Без сомнения возможно и первое и второе, но второе, думаю, потому возможнее, что среди известных уже в XI в. произведений наверное были и такие, в которых наряду с назиданием являлись черты автобиографические, как дополнение, как иллюстрация к нему. Как на образец в этом отношении для грамотицы исследователи давно уже указывали на заветы 12 патриархов, или точнее на завет Иуды» (стр. 12). С моей точки зрения, Ивакин ошибается. Известные нам аналогичные произведения христианской литературы состояли почти всегда из одних наставлений, представляя собою поучение в собственном смысле. Относительно «Слова некоего отца» в Изборнике Святослава 1076 г., которое издавна бездоказательно причисляется к русским произведениям домонгольской эпохи,¹ вопрос неясен именно потому, что оно не содержит никаких указаний на русскую действительность; относящееся к XI или XII в. византийское дидактическое стихотворение «Спаинеа» (о нем см. выше) так скупо в этом отношении, что не позволяло долго решить, кем оно написано и к кому обращено: на ту же особенность англо-

¹ Ср. мнения А. Е. Викторова, Е. Голубинского, Филарета и др. Литература указана у акад. Н. К. Никольского. Материалы, стр. 203.